

Вскоре подошло время утренних занятий, и все личные ученики, до сих пор остававшиеся на пике Цзяньсяо, поспешно переоблачились в облегающие орденские одежды с узкими рукавами. На скорую руку проглотив по пиале сваренной Се Яном каши, они повзлетали на мечях и устремились к пику Шуе.

Юнь Фэймяо с Се Яном не отставали от их большой компании.

Поскольку, как говорится, сытый голодному не товарищ, а за доброе угощение завжди платят добром, старшие братья и сестры, глядя на эту парочку, находили их всё более заботливыми и послушными. По пути они наперебой принялись просвещать младших насчет негласных правил и порядков, царивших на пике Шуе.

И пускай с самого первого дня вступления в орден каждому ученику выдавали на руки свод правил секты, в нем насчитывалось несколько тысяч статей. Разве мог хоть один новичок с ходу зазубрить такую прорву текста?

Юнь Фэймяо и Се Ян, которые на самом деле уже успели выучить всё до единой строчки, со смиренным видом внимали чужому опыту — ведь живые, образные объяснения старших братьев и сестер были куда полезнее и подробнее сухих, безжизненных параграфов.

Коли внушительная орава личных учеников практически одновременно опустилась на пике Шуе, это повергло в глубокое изумление всех прибывших пораньше адептов.

Если не считать межорденских состязаний, они впервые видели, чтобы личные ученики являлись на занятия в столь полном составе.

Программа обучения личных учеников продвигалась куда быстрее, нежели у обычных учеников внутреннего круга, а потому необходимость ежедневно посещать пик Шуе отпадала у них максимум года через два.

Согласно уставу секты Ванцзянь, адепты, не достигшие стадии Золотого Ядра, были обязаны каждое утро являться на пик Шуе к первому уроку, но стоило им сформировать ядро, как они получали право распоряжаться учебным временем по собственному усмотрению.

Личные ученики главных вершин семи великих орденов поголовно начинали свой путь, имея как минимум редчайшие духовные корни, так что обычно им требовалось не более двух лет с момента вступления в орден, дабы переступить порог стадии Золотого Ядра. Тот же Юнь Фэйинь, который ухитрялся из года в год искусственно сдерживать культивацию, наотрез отказываясь переходить к Возведению Фундамента, являлся чистой воды исключением из правил, какого не видывали добрую тысячу лет.

Если бы не тот факт, что на момент вступления в орден он был совсем юн и при этом ухитрялся на стадии Очищения Ци в пух и прах громить учеников стадии Возведения Фундамента, так что те лишь жалобно выли, глава секты давным-давно упрятал бы его в принудительное уединение.

Поскольку для новоприбывших личных учеников это был первый учебный день, все адепты, которым полагалось присутствовать на уроках, явились заранее — каждому не терпелось хоть краем глаза узреть лик новых гениев. Никто и помыслить не мог, что вместе с ними завалится и целая толпа старших.

Что же до этих самых старших личных учеников, то если Бай Юаньчэнь, достигший стадии Трансформации Божества, явился сюда ради чтения лекций, то остальные притазились

исключительно ради веселья.

Они рассудили, что раз уж вчера они вместе пировали, а сьогодні утром делили трапезу за чашей каши, то совместный поход на утренний урок обещал стать весьма забавным делом — вот и явились все как один.

В конце концов, при свободном графике они имели полное право посещать любые занятия, какие только душеньке угодно.

Разумеется, кое-кого из старших явиться на лекции обязали суровые старейшины ради восполнения пробелов в знаниях, но сие обстоятельство было слишком постыдным, так что распространяться о нем ніхто не собирался.

Зато расписание новоприбывших учеников не предполагало подобной вольницы. Первым делом им предстояло в течение одного часа вместе с остальными адептами отрабатывать базовые техники владения мечом, а затем еще один час постигать основы фехтования внутреннего круга секты Ванцзянь.

Следом шел час истории, и лишь после этого наступало время полуденного отдыха и обеда.

После полудня учеников ждали еще три большие лекции. В первый день им преподавали основы алхимии, создания талисманов и построения массивов; на второй день наступал чередковки артефактов, укрощения зверей и основ музыкального мастерства, и далее дисциплины неизменно чередовались в таком порядке.

И не стоило думать, будто эти предметы можно было прогулять, едва совершив прорыв к стадии Золотого Ядра: орден подготовил три обязательных цикла базовых лекций, и прослушать их надлежало от начала и до конца.

И лишь по завершении этих трех циклов, сообразуясь с успехами в культивации, учеников распределяли либо в общие классы, либо отпускали на главные вершины для самостоятельной практики.

Главный постулат секты Ванцзянь гласил: ты можешь не владеть тем или иным искусством в совершенстве, но обязан иметь о нем хоть какое-то представление. Даже если у тебя нет ни малейшего таланта к прикладным дисциплинам, теоретическую базу ты обязан вызубрить назубок.

Иначе в будущем, отправившись в мир за покупкой пилюль, талисманов или магического оружия, ты с легкостью дашь себя обпойть или обсчитать, а то и вовсе не заметишь, если в твое личное имущество внесут тайные изменения, что обернется колоссальными убытками.

Оттого-то по мере восхождения учеников на каждый новый крупный уровень культивации орден неизменно организовывал для них несколько циклов базовых лекций, соответствующих их текущему рангу, дабы непрестанно обогащать их багаж теоретических знаний.

Впрочем, если не считать этих трех начальных циклов для новичков, к последующим занятиям администрация относилась уже не столь строго: некоторые личные ученики, питавшие лютую неприязнь к сидению за партами, стоило подойти поре лекций, немедленно объявляли об уходе в глубокое уединение, тем самым благополучно увильывая от учебы.

Если первый урок по отработке базовых движений меча показался Юнь Фэймяо несколько скучноватым, то последующие дисциплины он нашел весьма интересными. Он испокон

веков любил впитывать новые знания, а благодаря феноменальной памяти радовался как ребенок на каждой лекции, стоило профессору озвучить какие-нибудь свежие сведения.

Гун Чжоу искренне не мог разделить его восторга:

— Что-то мне кажется, будто младший брат Юнь весь день сидит и глупо улыбается. Он там часом еще не протрезвел после вчерашнего?

Се Ян смерил его ледяным взглядом:

— Ты полагаешь, все вокруг такие же лоботрясы, как ты, и точно так же не любят учиться?

— Это кто тут не любит учиться? — возмутился Гун Чжоу. — Разве я плохо освоил новые техники меча? Сам старейшина Цзянь меня похвалил! А что до остального — раз уж у меня нет к этому таланта, то зачем мне взваливать на себя лишний груз?

— С чего ты взял, что у тебя нет таланта? Я видел результаты твоих вступительных испытаний: понимание техник культивации — восемьдесят пять баллов, понимание кузнечного дела — девяносто пять, а ко всем остальным путям — по двадцать баллов. Это значит, что какого бы предмета ты ни коснулся, ты способен постичь его хотя бы поверхностно. Так почему бы не поучиться?

В голосе Се Яна слышались нотки досады на друга, который никак не желал братья за ум:

— Ты ведь и сам прекрасно понимаешь: если начертать на магическом оружии подходящие руны и массивы, его мощь возрастет в разы.

— Но раз природный дар ограничен, сколько бы я ни учился, выше базового уровня мне всё равно не прыгнуть! Так не лучше ли доверить профессиональное дело профессионалам? Как в былые времена: ты чертишь для меня массивы, а я делюсь с тобой выручкой — разве плохо? Да и младший брат Юнь опять же: он станет создавать для меня талисманы, я и с ним поделюсь процентом. Будем зарабатывать духовные камни дружной компанией!

Сказав это, Гун Чжоу придвинулся ближе и шепнул Се Яну на ухо:

— Ты опять заводишь со мной эти разговоры... Неужто снова жить надоело? Ты ведь уже отыскал молодого господина Юня, неужели до сих пор не передумал? Вы ведь уже во всем признались друг другу. Случись с тобой какая беда, ему ведь будет невыносимо горько. Неужели тебе не жаль ранить его сердце?

Се Ян покачал головой, и его тон вновь сделался отстраненным и холодным:

— Однако моя жизнь и смерть отнюдь не находятся в моей собственной власти.

— Но...

Гун Чжоу собирался сказать что-то еще, как вдруг по воздуху прилетел листок желтой бумаги и шлепнулся прямо ему на лоб.

Парень чисто инстинктивно попытался сорвать талисман, но обнаружил, что всё его тело словно окаменело и он не может пошевелить даже пальцем.

Он в изумлении округлил глаза и уставился в сторону кафедры. Стоявший там старейшина Фушоу, читавший лекцию по талисманостроению, свирепо взирал на него, и его собственные

глаза в этот миг казались куда круглее и больше, чем у несчастного ученика.

Гун Чжоу мгновенно струсил и виновато опустил взгляд.

— Как все вы можете убедиться, именно так и работает талисман обездвиживания, — холодно хмыкнул старейшина Фушоу. Он повернулся к стене, на которой висел белый щит, и неторопливо начертал на нем две руны, снабдив каждую подписью с названием и принципом действия.

— Похоже, сухая теория навела на некоторых присутствующих скуку. Раз так, то можете взять свои кисти и бумагу для талисманов и попробовать сотворить нечто подобное самостоятельно. На доске представлены простейшие руны: талисман обездвиживания и талисман безудержного хохота. Через пару хвилинок вы сможете опробовать готовые талисманы обездвиживания на Се Яне, а талисманы безудержного хохота — на Гун Чжоу. Это послужит им заслуженным наказанием за то, что вместо прослушивания лекции они сошлись вместе и шептались по углам. Надеюсь, все остальные извлекут из этого урок, иначе следующим наглядным пособием на моем уроке станет кто-то из вас.

В то же мгновение, как слова старейшины Фушоу сорвались с губ, в душе Се Яна шевельнулось отчетливое желание немедленно порвать всякие дружеские узы с Гун Чжоу, вот только заявлять об этом сейчас было уже поздно.

Остальные личные ученики тем временем прикрывали рты ладонями, вовсю хихикая, а Янь Янь с пика Цзяньци и вовсе не стал сдерживаться, расхохотавшись во весь голос, нагло и развязно.

Он испокон веков не переваривал Гун Чжоу. Мало того что тот, как и он сам, обладал редчайшим духовным корнем огня, так еще и ухитрился поступить на ту же самую главную вершину, из-за чего им двоим приходилось соперничать буквально на каждом шагу.

Но как назло, чистота духовного корня у Гун Чжоу оказалась чуть выше, понимание кузнечного дела — тоже чуть лучше, и хотя по уровню культивации они шли ноздря в ноздю, Гун Чжоу был на целый год младше его!

Всякий раз при виде Гун Чжоу Янь Янь чувствовал себя донельзя уязвленным: ну как так вышло, что этот выскочка обставил его абсолютно по всем статьям? До чего же это раздражало!

Зато сейчас, глядя на поверженного и несчастного Гун Чжоу, он в один миг испытал неопишемое блаженство.

Увы, радость его оказалась преждевременной и обернулась чистой воды трагедией. Из-за того что смеялся он слишком уж вызывающе, старейшина Фушоу рассудил, что тот злобно нарушает порядок в аудитории, а потому обязан составить компанию Гун Чжоу в качестве наглядного пособия.

И прежде чем Янь Янь успел вымолвить хоть слово в свое оправдание, старейшина точным броском вlepил ему на лоб талисман обездвиживания.

— Вы все — личные ученики одного ордена и обязаны жить как братья. Раз уж нашему племяннику Янь Яню так по душе чужой смех, мы должны пойти ему навстречу. Начертайте для него побольше талисманов безудержного хохота!

В этот миг Янь Янь готов был локти искушать от раскаяния, да только ложка хороша к обеду, а сейчас было уже поздно.

Все личные ученики так и подались вперед, горя нетерпением: им показалось, что мгновение назад Янь Янь хохотал точь-в-точь как заправский злодей из дешевой пьесы, и им безумно хотелось послушать это исполнение еще раз.

Юнь Фэймяо тоже нашел талисман безудержного хохота весьма любопытным. Хотя прежде ему уже доводилось создавать нечто подобное, структура начертанных на доске рун в корне отличалась от его прежних наработок.

Вариант, предложенный старейшиной Фушоу, мало того что выглядел куда лаконичнее, так еще и требовал для активации в разы меньше духовной энергии, но при этом ни капли не терял в своей эффективности — сразу видно, что структура подверглась глубокой модернизации.

«И то правда: чтобы узнать что-то новое, всенепременно нужно выходить в мир», — рассудил про себя Юнь Фэймяо. В рунических практиках, передававшихся в его клане Юнь, изменениям подвергались лишь те знаки, которые использовались постоянно. Редкие же и малоупотребительные руны до сих пор сохраняли свой первозданный вид, дошедший со времен глубокой древности.

Они, конечно, обладали колоссальной мощью, но в них черт ногу сломит, из-за чего сейчас мало кто мог похвастаться умением правильно их чертить.

Юнь Фэймяо запечатлел обе представленные на доске руны в своей памяти и, мысленно повторив линии три раза в голове, занес кисть над бумагой.

Не успели остальные опомниться, как из-под его кисти вышел готовый талисман безудержного хохота, причем с ходу высшего качества, что повергло присутствующих личных учеников в немой шок.

Старейшина Фушоу при виде этого шедевра, с одной стороны, несказанно обрадовался тому, что у его искусства нашелся столь одаренный преемник, а с другой — до глубины души раздосадовался, что такой блистательный самородок ухитрился перехватить этот неотесанный грубиян с пика Цзяньсяо.

<http://bllate.org/book/17668/1662713>